

Глава 11

В такой момент Фань Цзин не посмел бы его отпустить. Ослабь он хватку — и всё могло кончиться трагически. Преодолевая разрывающую боль, он, не отпуская Кан Хэ, сдёрнул руку с деревянного кола. Ценой невероятных усилий Кан Хэ наконец выбрался наверх.

Оба тяжело дышали, пот смешивался с дождевой водой на лбу. Ещё не придя в себя от пережитого ужаса, Кан Хэ тут же вскочил, чтобы осмотреть рану Фань Цзина.

Разорванный рукав пропитался кровью, и в воздухе отчётливо запахло железом. Кан Хэ нахмурился, чувствуя одновременно и вину, и тревогу. Он корил себя за то, что, не зная дороги, пошёл на поиски и лишь создал проблемы.

Но Фань Цзин внезапно прикрыл рану рукой, не давая её рассмотреть. Его взгляд похолодел.

— Ты говоришь на столичном наречии.

Знакомые слова снова резанули слух, и Кан Хэ замер. Он посмотрел на Фань Цзина и увидел в его обычно спокойных глазах явную настороженность.

В критический момент он забыл и о местном говоре, и о притворстве — страх заставил его кричать на родном языке. Он никак не ожидал, что Фань Цзин, деревенский житель и охотник, не только поймёт его, но и сможет ответить.

Кан Хэ не нашёлся что сказать. Разоблачение было слишком внезапным, и он не знал, как всё объяснить.

— Зачем ты притворялся дурачком? — прямо спросил Фань Цзин, видя его молчание.

— ...Пытался избежать призыва, — после недолгого раздумья ответил Кан Хэ, решив использовать ту информацию, которой владел. Сказать, что в этом теле теперь другая душа, он не мог. В этой глуши, посреди леса, такие речи прозвучали бы дико. Фань Цзин либо не поверил бы, либо решил, что в него вселился горный дух.

Видя, что тот молчит, Кан Хэ, подражая местной манере речи, постарался сделать свою историю убедительнее:

— Потом я и вправду сильно ударился головой. Какое-то время был не в себе, но постепенно начал приходить в чувство. Но я не смел никому об этом сказать, боялся нового призыва. А местный говор я действительно перестал понимать и говорить на нём не могу. Не знаю, вернётся ли ко мне эта способность.

Фань Цзин на мгновение замолчал, взвешивая его слова.

— И твоя семья не знает о твоём состоянии?

Кан Хэ кивнул:

— Я не смел им сказать.

Фань Цзин подумал, что, скорее всего, так и есть. Знай семья Кан, разве отдали бы они здорового, крепкого парня в зятя другой семье? Если бы дело было в деньгах, это ещё можно было бы понять, но его отдали в бедную семью.

Слова Кан Хэ объясняли все прошлые странности. Притворяясь, он не хотел идти в зятя, но не мог выдать себя дома. Поэтому в день смотрин он и не хотел появляться, но судьба распорядилась иначе. Ничего не подозревающая семья Кан отдала его документы, и ему ничего не оставалось, как переехать к Фаням. Этим и объяснялось, почему в городе он так внимательно прислушивался к разговорам о поиске работников с документами.

Полуправда Кан Хэ сложилась в голове Фань Цзина в стройную и логичную картину. Теперь, когда всё прояснилось, он долго молчал. Среди смешанных чувств преобладало облегчение и даже некое спокойствие. Он всегда знал, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Для семьи Фань заполучить умного и здорового зятя было почти невозможной удачей.

Глядя на Кан Хэ, Фань Цзин не чувствовал ни гнева, ни обиды. Он был спокоен.

— Я знаю, ты хочешь вернуть свои документы. Я отдам их тебе.

Кан Хэ удивлённо поднял бровь.

Фань Цзин не был великим добряком и всё рассчитал:

— Можешь уходить. Но сначала верни пять связок монет, которые моя семья заплатила тобой в качестве выкупа.

Кан Хэ не ожидал таких слов, но поспешно согласился:

— Разумеется.

Он и сам так думал. Но почему-то, когда эти слова произнёс Фань Цзин, на душе стало неприятно.

Фань Цзин больше ничего не сказал. Прикрывая раненую руку, он повернулся и пошёл вперёд. Кан Хэ смотрел на его худую, молчаливую спину, исчезающую в пелене дождя. Постояв так некоторое время, он поспешил следом.

Они вернулись в хижину, когда уже почти стемнело.

Кан Хэ заново разжёг погасший огонь и вскипятил воду, чтобы промыть рану Фань Цзина. Сук был острым и оставил на руке рваную рану. Хотя кость и не была задета, вид изуродованной плоти заставлял сердце сжиматься.

Лекарств в хижине не было. К счастью, днём Кан Хэ нашёл несколько пучков высушенной кровоостанавливающей травы. Он приготовил из неё припарку и сделал простую перевязку.

— Завтра нужно спуститься с горы, — сказал Кан Хэ, отрывая полосу ткани от своей рубахи и перевязывая руку Фань Цзина. Раз уж тот знал, что он владеет столичным наречием, для удобства он перешёл на него.

— Не нужно, через пару дней само заживёт.

— Рана на твоей ладони заживала несколько дней, и то не до конца, — нахмурился Кан Хэ. — Если сейчас не показать руку лекару, как ты потом будешь ею работать?

Фань Цзин сидел на краю кровати и смотрел на его напряжённое лицо. Он подумал: «А этот парень, оказывается, разговорчивый. Как его только не разорвало, когда он притворялся немым».

— Если я вернусь, домашние только зря разволнуются. Их паника будет меня раздражать.

Кан Хэ на миг замолчал, представив себе родителей Фань Цзина, и тут же понял его опасения. Вернуться без добычи, да ещё и раненым... Отец Фань и госпожа Чэнь, может, и не стали бы его винить, но они любят ссориться, а в пылу ссоры могли бы наговорить лишнего, что снова ранило бы Фань Цзина.

Он мысленно вздохнул. Послушным детям всегда достаётся больше.

— Из-за чего они ссорились?

Фань Цзин не хотел говорить, чтобы не впутывать его.

— Из-за меня? — догадался Кан Хэ.

— Тебя это не касается. Они хотят устроить пир, а денег нет.

— Какой пир? Свадебный?

Фань Цзин снова замолчал.

— Если я уйду, — помедлив, сказал Кан Хэ, — то пир, возможно, и не состоится. Но если его всё же устроят, не будет ли это пустой тратой денег?

— Я и не собирался ничего устраивать, — не глядя на него, бросил Фань Цзин.

Изначально он действительно не хотел никаких празднеств. В их небогатой семье это было лишним, да и уважения от односельчан пышный пир не прибавит. В последние годы многие обходились без застолий, и никто над ними не смеялся. Но домашние так настаивали, что он, устав от ссор, уступил. А теперь всё сложилось так, как он и хотел с самого начала.

— Если... если я уйду, мы ведь провели столько времени вместе... Что скажут люди? — с сомнением произнёс Кан Хэ.

Фань Цзин посмотрел на него. В его нахмуренных бровях не было притворства, и это вызвало у Фань Цзина уважение. То, что он задумался об этом, говорило о его совести. Он не был из тех, кто думает только о себе.

— Меня это не волнует, не беспокойся.

Фань Цзин и вправду не переживал. Он не собирался искать себе другую пару, поэтому ему было всё равно. Ну, посплетничают за спиной несколько дней, скажут, что у гэра из семьи Фань такой крутой нрав, что даже зять сбежал. И только.

Видя, что Кан Хэ всё ещё обеспокоен, он добавил:

— Сейчас в моде пышные свадьбы. Некоторые семьи, не найдя подходящего мужа для своего сына или дочери и боясь оставить их в старости без поддержки, нанимают фиктивных зятьёв. Они живут в доме какое-то время, а когда рождается ребёнок, уходят.

В деревнях в последние годы это стало обычным делом. Как в былые времена, до войны, когда бедный мужчина, не имея возможности жениться, платил здоровой женщине или гэру, чтобы те родили ему наследника. В каждом времени свои способы выживания.

Кан Хэ был поражён. Он никогда о таком не слышал. Он кашлянул и сказал:

— Я не такой. Я не фиктивный зять.

— Я знаю, — спокойно ответил Фань Цзин. — Таким людям платят.

— Верно, — усмехнулся Кан Хэ. — А я тебе ещё и должен.

Он понимал, что Фань Цзин рассказал ему всё это, чтобы успокоить его. Кто бы что ни говорил о его крутом нраве, вряд ли нашёлся бы человек более понимающий. Хотя Кан Хэ и был в выигрышном положении, на душе у него было беспокойно.

— Сегодняшнее происшествие — моя вина. Если бы я не увязался за тобой в горы, ты бы не пострадал.

Он чувствовал искреннюю вину, и от этого было тяжелее, чем если бы он поранился сам.

— Если ты не хочешь спускаться, я завтра сам схожу. Не буду заходить домой, сразу в уезд за лекарствами, а потом вернусь.

— Не утруждайся.

— Если рана загноится, вот тогда будет настоящая проблема, — серьёзно сказал Кан Хэ. — В старости, в сырую погоду, рука будет болеть. Если с тобой такое случится, я буду чувствовать себя виноватым до конца жизни. Даже вернув тебе деньги, я не смогу уйти с чистой совестью.

И, чтобы пресечь дальнейшие возражения, он с усмешкой добавил:

— Уж не этим ли способом ты пытаешься меня удержать? Если так, то я не буду тратить силы. Буду ухаживать за тобой, когда ты в старости будешь мучиться.

Фань Цзин искоса взглянул на него и ничего не ответил.

Когда Кан Хэ закончил перевязку, он, скинув обувь, лёг на свою кровать и, отвернувшись к стене, задёрнул занавеску, прекращая разговор.

Кан Хэ на мгновение замер, а затем невольно улыбнулся.

— Поспи немного, — сказал он, задвигая тканевую занавеску, отделявшую его кровать. — Как лепёшки подогрею, позову тебя.

<http://bllate.org/book/13421/1194819>